

В отечественном литературоведении четко обозначены духовно-нравственные приоритеты, следуя которым, литература остается явлением национальным. В. Кожин писал о необходимом присутствии в культуре «пафоса *созидания*, опирающегося на глубокие корни народного бытия», а Ю. Селезнев указывал на глубинный, сокровенный смысл такого понятия, как «деревенская проза», и подчеркивал, что наследование ее традиций неотъемлемо от трактовки этических и эстетических категорий в соответствии с народным мирознанием. Подобная позиция, восходящая к православно-христианскому видению литературы, будет положена в основу исследования. Осмысление современной прозы будет осуществляться с опорой на принципы сравнительно-типологического изучения литературы с использованием элементов структурного анализа произведений и системного подхода, позволяющего характеризовать произведения писателей-прозаиков в контексте философских, культурно-исторических, социальных проблем современности. Опорой в работе могут послужить труды М. Дунаева, И. Есаулова, И. Ильина, В. Кожина, Ю. Селезнева, а также произведения серии «ЖЗЛ», позволяющие раскрыть всесторонний образ литературного деятеля (И. Золотусский «Гоголь», В. Кожин «Тютчев», М. Лобанов «Островский», А. Варламов «Пришвин». Ст. и С. Куняевы «Есенин» и др.)

Новая эпоха в истории нашего государства ознаменовала и начало активных исканий в области литературы. Появились новые имена, и с ними – утверждение новых идейно-эстетических позиций и приоритетов. Авторы, пришедших в отечественную словесность в 1990-е годы, критики пытаются отнести к тем или иным направлениям, но фактом остается одно: старые формы литературы не могут объяснить сущности этой «новой волны». Явление это настолько многообразно, что оценивать его исключительно по принадлежности к традициям прежних литературных школ или же отступлению от них означает значительно сужать сами рамки литературного процесса. Продуктивным в данной ситуации будет признание за прозой рубежа XX – XXI веков права на новое слово в литературе.

Нельзя не отметить, что в прозе рассматриваемых писателей не всегда четко прослеживаются духовные искания героев, не всегда последовательно обозначаются нравственные приоритеты. Перед нами нет как прежнего «деревенского» героя с его извечной незыблемой правдой о мире, так и городского героя-идеалиста. Герой, появившийся в прозе в 1990-е годы, стремится переосмыслить историю своего отечества, чтобы ответить на волнующие его вопросы о национально-государственном устройстве, о системе и обществе (как герой Л. Бородина), понять, где его место в мире (персонаж, как правило, лирический, А. Варламова, герой О. Павлова), вернуться к дому – реальному, деревенскому (повести Б. Екимова) или метафизическому, вмещающему в себя целостное национальное бытие (произведения А. Трапезникова), прийти к храму (восходящие к хождениям повествования В. Крупина). В. Нарбикова и Т. Толстая выстраивают мир каждая вокруг своей героини, конструируют реальность, видоизменяя образ центрального персонажа (как в романе Т. Толстой «Кысь»), а в прозе В. Пелевина мир получает дуалистичную характеристику. Но при всем этом насколько бы ни было своеобразно художественное мировидение названных авторов, в их творчестве отмечаются определенные тенденции, характеризующие современный литературный процесс и создающие в итоге его единый абрис.

Исследуемые авторы являются активными участниками современного литературного процесса, выступая не только в качестве прозаиков, но и в качестве публицистов, критиков, литературных аналитиков. Эта сторона их писательской деятельности, а также интервью, «живые журналы» и авторские сайты также представляет немалый интерес, так как позволяет более полно осмыслить идейно-нравственные и художественные основы их творчества. По этой причине анализ прозы указанного периода видится невозможным без знакомства со всеми сторонами проявления художественного и публицистического, критического таланта авторов.

Участие писателей в литературном процессе предполагает и такой аспект, как критический резонанс в отношении их произведений. В некоторых случаях оценка дается только литературными «единомышленниками», в других – творчество автора вызывает широкую полемику. Таковы, например, повести А. Варламова, О. Павлова, получившие весьма противоречивые оценки. Из исследователей, попытавшихся дать наиболее объективную характеристику не только творчеству отдельных персоналий, но и литературному развитию последних лет в целом, можно назвать П. Басинского, К. Кокшеневу.

Еще одним интересным аспектом, отличающим современную прозу, можно назвать такой факт, как получение писателями звания лауреатов в различных литературных премиях (например, лауреат премии «Антибукер» (1995), премий Лейпцигского литературного клуба «Lege Artis» (1995), журнала «Октябрь» (1995, 1997), издательства «Роман-газета» (1998), литературной премии Александра Солженицына (2006) А. Варламов; лауреат премии журнала «Новый мир» (1995), журнала «Октябрь» (1997, 2001), включенный в список финалистов Букеровской премии (1995, 2002), в список финалистов премии «Антибукер» (1997) О. Павлов). Это также дает аналитический материал для обозначения ведущих тенденций развития прозы последних лет.

Наблюдения, сделанные в ходе исследования, и полученные результаты могут найти применение при разработке вузовского курса «Истории русской литературы», спецкурсов и спецсеминаров, посвященных творчеству отдельных авторов.

Приказ Минпросвещения России от 09.10.2024 № 704: «О внесении изменений в некоторые приказы Министерства просвещения Российской Федерации, касающиеся федеральных образовательных программ начального общего образования, основного общего образования и среднего общего образования» говорит: «Обучающийся научится понимать общечеловеческую и духовно-нравственную ценность литературы,

осознавать ее роль в воспитании любви к Родине и укреплении единства многонационального народа Российской Федерации».

Один из путей работы со словом при обучении русскому языку в полилингвальной среде – это обращение к русской классике. Причем сегодня мы уже расширяем это понятие, включая туда и авторов 20 века, авторов не только «общеизвестных», но и поэтов, прозаиков, пришедших в литературу в последней трети столетия, но своим творчеством изменивших ее облик. К таким авторам – современным классикам – мы уверенно можем отнести Ю. Казакова.

Каждое произведение этого творца малой художественной формы становится ярким и запоминающимся, характеризуется чутким и основанным на глубоком понимании языка отношением к русскому слову. «Великий мастер, чародей русского рассказа! Пожалуй, третий после Чехова и Бунина. Не в смысле по старшинству и значению – а в том смысле, что поставить его рядом можно только с ними», – так охарактеризовал Казакова критик П. Басинский [Басинский, <https://godliterature.ru/articles/2017/08/08/dusha-moya-brodit-v-potemkakh>].

О совсем юном еще прозаике отозвался общепризнанный на тот период мэтр отечественной словесности К. Паустовский: «Достаточно прочесть два-три рассказа Ю.Казакова, чтобы стало ясно, какой талантливый, зоркий и умный писатель вошел в нашу литературу...» [Цит. по: Васькин, https://moskvam.ru/publications/publication_2990.html]. Поэтому тексты автора могут быть задействованы в качестве дидактического материала при работе в полилингвальной среде. В полной степени сказанное относится к рассказу «Поморка». Ю. Павлов как о втором факторе, определившем судьбу Ю.Казакова, говорит о поездке в Поморье: «Здесь в 1956 году и состоялось его “второе рождение”. На Севере... открывает для себя традиционный народный мир... Поразили и величественная природа, и люди, и их язык Позже Казаков вспоминал: “Окунувшись в поток настоящей живой речи, я почувствовал, что родился во второй раз <...>. В жизни каждого человека

есть момент, когда он всерьёз начинает быть” («Литературная газета», 1979, 21 ноября)» [Павлов,

https://rkuban.ru/archive/rubric/literaturovedenie-i-kritika/literaturovedenie-i-kritika_3837.html].

Сюжет рассказа достаточно прост, что облегчит понимание текста обучающимися с недостаточным пониманием русского языка. Еще одним несомненным плюсом можно считать небольшой объем – всего три страницы – текста.

Главная героиня – девяностолетняя старуха поморка Марфа – всю жизнь прожила на берегу моря, и все ее существование – это труд. Бытовой труд обретает под пером мастера статус бытийного деяния, и для понимания этого не носителями языка необходимо осознать лексическое наполнение предлагаемых характеристик труда. «Праведная, святая жизнь девяностолетней старухи Марфы... на уровне естества немислима без постоянного труда и заботы о других...» [Павлов, https://rkuban.ru/archive/rubric/literaturovedenie-i-kritika/literaturovedenie-i-kritika_3837.html].

Но предварить рассказ о Марфе и ее труде необходимо – как это делает и сам автор – описанием места действия и характеристикой времени.

События происходят в маленькой деревеньке, расположенной на берегу Белого моря (здесь можно обратиться к наглядности и показать на карт, где географически расположена данная деревня. Учитывая биографию и библиографию писателя, а именно – его произведение «Поедемте в Лопшеньгу», место действия – поселение, расположенное в архангельской области, на берегу Белого моря, – можно установить предельно точно. Но это не самое главное. Важнее обозначить регион и его природу, климат, особенности проживания там человека. Разумеется, данную информацию учащиеся смогут представить только после соответствующей подготовки).
Время действия – пятидесятые годы.

Первый этап работы будет посвящен характеристике северной деревни.

Что мы можем сказать о ней и в целом об этом крае? «Темнеет рано», «сумерки коротки», «ночи аспидно черны и холодны» (разумеется, требуется толкование непонятных слов, таких, например, как «аспидные»). Какая характеристика дается угасающему перед долгой зимой солнцу («вырвется», «последний... луч», «отразится в окошках», «сплющится, уйдет в воду»)? Какие цвета задействуются («побагровеет», «темно-красная»)? Как откликаются на эти отблески неяркого солнца человеческие жилища? «Желто отразится в окошках», «долго еще светятся в ответ заре свежеошкуренные бревна», «маслянисто блестит... щепка». Что еще откликается на свет солнца? «Несколько маленьких костров». Кто разжег костры? С какой целью? Что готовят на кострах мальчишки?

Чем точнее будет обрисован образ пространства в произведении, тем легче будет читающим понять сущность описываемых событий. Мы не говорим о диалектных и редко употребляемых словах, работа с ними требует достаточно высокого уровня владения языком («косогоры с поскотинами», «прянут... столбы», «сидит на тоне», «мотоботы с глубьего лова» и т.п.) Но общая картина должна получить четкий абрис, иначе смысл труда Марфы будет читателем недоступен. Что могут сказать слушатели об этом крае?

«...Рыбаков нет – кто сидит на тоне, кто далеко в море, на лове трески, кто в поле...» Из сказанного делаем вывод, что основной род деятельности обитателей деревни – это крестьянский труд в поле и рыбная ловля. Причем последнее является основным занятием, это следует из того, что всех жителей деревни называют рыбаками, и о земледельческом труде говорится обобщенно («все полевые работы», «кто в поле»), а о ловле рыбы – обстоятельно и с указанием разных видов занятий. В более подготовленной группе можно обозначить суть каждого упоминания о рыболовном промысле: «далеко в море, на лове трески», «бригада привезет богатый улов сельди или семги», «избы вновь наполнятся запахами соленой трески и пикши», «кто уйдет на ледоколе на зверобойный промысел, кто – в Унскую губу на зимний лов наваги»...

Попросим охарактеризовать рыбный промысел на северном море. В чем его особенность? Наверное, не только в тяжести труда, но и в рискованности, когда лодка с рыбаками может попросту не вернуться к родному берегу. Поэтому так значимо упоминание ожидания рыбаков? Это ожидание связано с образом старухи Марфы: «...Выходит Марфа к вечеру на берег, стоит неподвижно возле наискось заделанных палок плетня, твердо чернея на бледно-желтом фоне зари. Смотрит на грязно-взлохмаченное море, на без конца бегущие и ревущие на отмели взводни с белыми гривами...»; «Марфа все будет стоять, положив старчески-сизые руки на плетень, и смотреть на море, пока не погаснет последний мгlistый отблеск зари...»; «Молится она [Марфа. – А.А., Н.Ф.] не за себя – за тех, кто на рыбных промыслах в Баренце...»

В этом ожидании старухи – ее особое предназначение и особый идейный посыл рассказа. Но чтобы это осмыслить, нужно понять, кем же является героиня на земле, по утверждению автора. Для этого задействуем категорию труда и пути ее реализации в производстве.

Автор упоминает о постоянной работе Марфы. «Поражает объём работы, которая выполняется женщиной как потребность души...» [Павлов, https://rkuban.ru/archive/rubric/literaturovedenie-i-kritika/literaturovedenie-i-kritika_3837.html]. Разберем это состояние подробнее.

Марфа выполняет разные виды работ, которые можно разбить по категориям.

Это привычный крестьянский труд, знакомый представителям всех народов, и препятствием к пониманию здесь будут не культурные, национальные, а социальные (город–деревня) различия. Марфа «доит и гонит на улицу корову», «шумит сепаратором» (что именно означает это действие?), «кормит кур», «лезет на поветь за яйцами» (что такое «поветь» (крытое место, нежилая пристройка к деревенскому дому для хранения корма, земледельческих орудий, хозяйственных принадлежностей; есть ли похожие строения в домах привычных для культуры обучающихся русскому

языку? Как они называются?), «косит и рубит... траву и картофельную ботву поросенку» (что такое «ботва?»), «копает картошку на огороде», «ссыпает в подпол» (как выглядит подпол? Для чего он предназначен?), «таскает его [сено. – Н.Ф., А.А.] наверх» (для кого предназначено сено?)

Это труд архаичный, почти ушедший из обихода даже у деревенских жителей («топит печь», «кипятит самовар»).

Труд женский, исконный, в том числе тоже имеющий налет архаичности, причем данный труд описывается автором с применением приема асиндетона, то придает ему характер непрерывности, цикличности, извечности («варит обед», «топит баню, натаскивает... до двадцати вёдер воды, стирает, штопает, гладит, метет и моет полы, сени, крыльцо... деревянные мостки возле избы», «моет и стирает, штопает»...)

Участвует Марфа и в коллективной работе («ходит она на скотный двор помогать телятницам»). Часть труда героини имеет местную специфику, понятную тем читателям, которые живут на побережье моря («идет к морю с корзиной, собирает сиреневые пучки водорослей», «чинить порванные сети»).

Труд Марфы не завершается прошедшим днем. Он продолжается, длится в ее размышлениях о дне грядущем: «надо гонять овец за коргу – там много морской капусты давеча накидало, что надо жать ячмень на огороде да вешать сушить...»

Каждый из названных составляющих труда Марфы может быть охарактеризован, представлен через иллюстрацию, на основании его описания может быть выстроен диалог с обучающимися.

Из всех названных элементов труда героини складывается не просто ее день, но особая надмирная сущность ее существования, которую в конце рассказа проговаривает лирический герой: «...Будто бабка моя молится, будто мать свою я слышу сквозь сон, будто все мои предки, мужики, пахари, всю жизнь, с детства и до смерти пахавшие, косившие, положенные, забытые по погостам, родившие когда-то и хлеб и другую, новую жизнь, будто это

они молятся – не за себя, за мир, за Русь – неведомому богу старозаветному, доброму Николе-угоднику». Но в словах Марфы есть и одна особенность, на которую обратим внимание обучающихся. Прося за рыбаков небесные силы, героиня произносит слова, построенные с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов: «Пошли им погодушку, небушко чистое, водицу светлую». К какой речи близка речь Марфы? Способны ли слушатели услышать здесь отголоски былин?

Существование Марфы – это наличие той крепости, которая держит мир, не позволяя ему рассыпаться. Ожидая у моря рыбаков, она придает смысл из жизни, их труду, их уходу в море и возвращению домой. Марфа скрепляет собой не только дни в бесконечном продолжении годового цикла, но и соединяет своим стоянием у моря землю и воду, дом и кочевую жизнь, бытие и небытие. Неслучайно один из собеседников героя-рассказчика говорит о ней: «Опять выползла... Своих ждёт». Своих – это не только рыбаков, но и похороненных отца и мать, братьев и сестер, всех деревенских рыбаков, сгинувших в море. Естественными видятся слова односельчанина Марфы, добавляющего к своим словам: «Хорошая старуха-то, святая, одно слово – поморка!». Именно к такому выводу мы приводим в итоге обучающихся.

«Судьба этого писателя – лучшее доказательство тому, что рождение гения – чудо, но и одновременно какая-то “химия” из очень разнородных “элементов”, – говорит о Казакове критик. – Среди “элементов”, создавших Казакова, были и судьбы родителей, и детство, проведенное на крышах, где тушили зажигательные бомбы, и послевоенная “оттепель”, и случайное вроде бы увлечение музыкой, и Литературный институт с Паустовским... А потом в состав “химии” вошел Иван Бунин...» [Басинский, <https://godliteratury.ru/articles/2017/08/08/dusha-moya-brodit-v-potemkakh>]. И потому такой автор достоин представлять русскую литературу для нерусскоговорящей аудитории и демонстрировать пример обращения с русским словом во всем его многовековом богатстве.

